

A. P.

ЖЕНЩИНА ВЪ СИБИРИ ВЪ XVII и XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Извѣстно, какою убогою цивилизаціею довольствовалась Русь до XVIII столѣтія. Невѣжество, безграмотность, грубость нравовъ и деморализація въ общественной и семейной жизни были естественными спутниками и послѣдствіями кабалы, крѣпостничества, воеводскаго самоуправства и угнетеній всякаго рода. Въ эти вѣка даже высшіе классы общества, отличаясь иногда матерьяльными достатками и властью, были одинаково съ массою черни грубы и невѣжественны. Европейская цивилизація не могла проникнуть въ закрытое и китайски-уединенное общество. Только въ петровскій періодъ свѣтъ европейскаго знанія и гуманности начинаетъ проникать въ русское общество, и то лишь касаясь верхнихъ слоевъ его, но эти верхніе слои во всё продолженіе прошлаго столѣтія, пользуясь сами свѣтомъ иностранной мысли, ревниво хранятъ его для себя, оставляя массу народа попрежнему темной, невѣжественной и бѣдной, а слѣдовательно и полной своихъ варварскихъ обычаевъ и нравовъ.

Русское населеніе, во время своего колонизаціоннаго движенія въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Сибирь, само собой несло съ собой всѣ нравы и обычаи древней Руси со всей грубостью того времени.

Позднѣе же въ XVIII ст., при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы упомянули, Сибирь едва ли могла получить измѣненіе къ лучшему въ своихъ нравахъ. Заря цивилизаціи, вспыхивавшая въ далекой русской столицѣ, не могла проникнуть въ самую отдаленную, новозаселяющуюся часть Русской Имперіи, не могла тѣмъ болѣе, что Сибирь, не обладая высшими классами, для которыхъ была доступнѣе цивилизація, состояла преимущественно изъ низшихъ слоевъ общества. Поэтому и въ большую часть петровскаго періода, Сибирь остается на уровнѣ нравовъ столѣтія предшествовавшаго. Въ Сибири самымъ образованнымъ сословіемъ должно было явиться духовенство, но оно два прошлыя столѣтія далеко не обладало достаточнымъ уровнемъ образованія, чтобы вліять на улучшеніе нравовъ и гуманизированье массы населенія. «Духовенство было малочисленно и малограмотно въ Сибири», говоритъ историкъ христіанскаго просвѣщенія здѣсь. ¹⁾ По своей нравственности оно въ этотъ періодъ само далеко не вырисовывается изъ массы, какъ увидимъ ниже. Самые высшіе духовные пастыри въ Сибири не обладали особенной ученостью и образованіемъ. Изъ 17 сибирскихъ епископовъ только 6 являются на литературномъ поприщѣ. Одинъ изъ самыхъ образованныхъ между ними Павелъ Конюшевичъ, по словамъ аббата Шаппа, не хотѣлъ ни за что вѣрить, что земля вертится вокругъ солнца. ²⁾

Понятно, что при отсутствіи всякаго просвѣщенія въ Сибири, безъ особенныхъ заботъ къ смягченію нравовъ христіанскою моралью, невѣжественный народъ предавался своимъ грубымъ инстинктамъ въ семьѣ и домашней жизни. Нравы, выработывавшіеся подъ вліяніемъ этихъ инстинктовъ и подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, окружавшихъ ихъ, были до звѣрства грубыми. Вотъ какъ рисуетъ одинъ изъ русскихъ историковъ нравы древней Руси: «Въ рабскомъ обществѣ всегда бываютъ нравы особенно грубыми и жестокими. Начальникъ жестокъ къ подчиненному, слуга высшій угнетаетъ низшаго или животныхъ, мужъ жену и дѣтей; человекъ, котораго угнетаютъ, самъ дѣлается начальникомъ существа слабого, какъ женщина,—существа, съ которымъ онъ ранѣе не встрѣчался,

¹⁾ Матерьял. для. Ист. Христ. Просв. въ Сибири съ 1851 г. по XIX ст. Абрамова.

²⁾ Истор. Сибири Словоцова т. 2, с. 14.

какъ съ существомъ свободнымъ, и онъ показываетъ надъ ней власть свою». ³⁾ Въ Сибири было особенно широко развитіе подобнаго деспотизма въ отношеніи другъ къ другу. Здѣсь свирѣпствовали во всей необузданности воеводскій произволъ; здѣсь являлись Гагарины, Жолобовы, Крыловы, Лоскутовы; здѣсь русское населеніе, въ лицѣ казака, сталкивается съ слабѣйшей расой инородца и показываетъ на ней всю грубую силу, всю жестокость и корыстолюбіе грубаго завоевателя; здѣсь развивается кабала и рабство надъ плѣнниками; все, что сильнѣе—силится угнетать слабѣйшаго. Воевода смотритъ на своихъ чиновниковъ, какъ на рабовъ, купцы и служилые люди кабалютъ работниковъ, казакъ и промышленный людъ угнетаетъ и порабощаетъ инородца. Семья представляла ту же арену для угнетенія жены и дѣтей главою дома. Но прежде чѣмъ успѣла образоваться у русскаго населенія въ Сибири семья, самый жестокій гнетъ, во всей его безчеловѣчной формѣ, долженъ былъ пасть роковою судьбой на долю инородческой женщины.

При отдаленіи русскихъ завоевателей въ глубь Сибири, гдѣ они принуждены были оставаться надолго для укрѣпленія своего владѣчества, они естественно начали чувствовать недостатокъ въ женщинахъ и, какъ завоеватели, безцеремонно стремились удовлетворить этой потребности, забирая насильно у инородцевъ женщинъ и угоняя ихъ плѣнными отъ мужей и отцовъ. Первые казаки забирали инородческихъ женъ и дочерей по нѣскольку на каждаго и дѣлали ихъ своими наложницами; въ случаѣ надобности они ихъ закладывали за 10 и 20 рублей. ⁴⁾ Главные завоеватели и воеводы не только потакали подобнымъ захватамъ, но и сами предпринимали ихъ; слѣдствія не разъ открывали подобные факты. Слѣдствіе надъ Крыжановскимъ въ Охотскѣ показало, что онъ бралъ у инородцевъ женъ и дѣтей для разврата. Въ Нерчинскѣ приказный человекъ Шульгинъ выпускаетъ за взятки бурятскихъ аманатовъ, а женъ аманатскихъ не выпускаетъ. ⁵⁾ Киргизы жалуются на томскихъ воеводъ, что они, забравши ихъ женъ и дочерей, увозятъ ихъ въ Россію. ⁶⁾ По окончаніи чукотской экспедиціи Павлуцкій приго-

³⁾ Соловьевъ, т. XIII с. 165.

⁴⁾ Ист. Сибир., Миллеръ т. II. §§ 31, 33.

⁵⁾ Соловьевъ т. XIII с. 304.

⁶⁾ Миллеръ Ист. Сиб. Еж. Соч. Апр. 1764 г. с. 310.

няетъ въ Нижне-Колымскѣ множество чукотскихъ женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были поселены въ Якутскѣ, значительная часть отпущена, но всѣ погибли въ дорогѣ отъ холоду и болѣзней. 7) Якутскій воевода Бернигилевъ отнималъ отъ якутовъ женъ и продавалъ ихъ другимъ якутамъ, «у якутовъ и у русскихъ женъ и дѣтей на дворъ къ себѣ холопство ималъ и крѣпости на тѣхъ людей писалъ на имя всякихъ чиновъ людей. 8) Служилые люди, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей по сибирской исторіи, сплошь и рядомъ отбирали у русскихъ и инородцевъ женъ и дочерей, работницъ и родственницъ и дѣлали ихъ своими наложницами, или только на время брали для удовлетворенія своей чувственности. Въ случаѣ сопротивленія, воеводы пускали въ дѣло кнутъ и огонь. 9) Подобное обращеніе съ инородческими женщинами сохранялось до позднѣйшаго времени. Въ рапортѣ охотскаго портоваго начальника Иркутскому гражданскому губернатору 24 сентября 1815 г. говорится, что служащіе въ російско-американской кампаніи отнимаютъ у алеутовъ женъ и дочерей, дѣлаютъ ихъ наложницами и берутъ ихъ въ Охотскъ. Алеуты жаловались, что промышленники, увозя ихъ женщинъ въ Охотскъ, общають на нихъ жениться, но оттягиваютъ время и только обманываютъ ихъ. По жалобѣ алеутовъ правительство заставило жениться промышленниковъ на увезенныхъ и обольщенныхъ женщинахъ. 10) Такимъ образомъ во все продолженіе двухъ прошлыхъ столѣтій, по всей исторіи Сибири, мы видимъ это постоянное забираеніе и эксплуатацію инородческой женщины. Ее берутъ вмѣстѣ съ плѣнниками, и если послѣднихъ когда отпускаютъ, то женщина не могла и на это рассчитывать и переходила изъ рукъ въ руки, какъ наложница. Послѣдствіемъ завоеванія въ Сибири явилось рабство и вотъ она продается рабой въ мирномъ обществѣ; остячки, киргизки, калмычки, башкирки и бурятки переходятъ изъ рукъ въ руки у сибирскихъ землевладѣльцевъ. Ихъ продавали по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ, торгъ дѣтьми былъ особенно распространенъ. По словамъ Филофея Лещинскаго въ началѣ прошлаго столѣтія русскіе березовцы покупали семилѣтнихъ

7) Словцовъ Ист. Сиб. т. II. с. 476.

8) Доп. къ Акт. Ист. т. III. № 69.

9) «Очерк. Сиб.» Б. для Ч. 1862 г.

10) Мат. къ ист. русск. посел. на бер. Вост. Океан., с. 9, 10, 12.

остячекъ по 20 коп., а мальчиковъ того же возраста по 25 к. Тоже сдѣлалось только позднѣе въ Якутскомъ краѣ. ¹¹⁾ Калмыки и Калмычки, находившіеся рабами у киргизъ, продаются постоянно русскимъ ихъ хозяевами; часто они въ XVIII ст. сами выбѣгаютъ изъ рабства и сами продаются и закабаливаются русскимъ за ничтожныя цѣны, лишь бы не умереть съ голода. Можно представить себѣ, что терпѣли эти рабы при тогдашнихъ нравахъ, когда жена разсматривалась подобно домашнему скоту, который дозволялось эксплуатировать всѣми средствами.

Не лучший жребій выпалъ въ Сибири и на долю русской женщины. Она вступила на эту новую землю какъ будто для того, чтобы сдѣлаться еще большей страдальцей, чѣмъ была у себя въ старомъ русскомъ обществѣ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. она идетъ въ Сибирь съ казаками, обѣщающими жениться на ней, но которые, приведя ее на мѣсто, оболщаютъ ее, наругиваются и бросаютъ на жертву разврата: «Сибирскіе казаки, говоритъ Миллеръ, ѣдучи изъ Москвы, подговаривали во всѣхъ городахъ и деревняхъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ, обѣщаясь жениться на нихъ по приходѣ въ Сибирь, или найдти имъ жениховъ. Такъ они подговаривали до 50 и приводили въ Сибирь. Здѣсь же большая часть изъ нихъ была обманута и продавалась вольною цѣною. Казаки ссылались на царскій указъ, что имъ дозволено брать женщинъ, но такового не сыскалось. Былъ только указъ, позволявшій приглашать имъ семьи для выселенія». ¹²⁾ Но если русскія женщины и выходили замужъ за казаковъ, то что ожидало ихъ? По словамъ того же Миллера, казаки привыкли на Дону къ обычаю татаръ и признавали бракъ лишь гражданскимъ договоромъ съ правомъ разойтись когда угодно и безъ всякаго съ своей стороны обязательства. При своей грубости, они, конечно, пользовались по своему этимъ договоромъ. «Любви въ нихъ не было, чувства ревности тоже и они смотрѣли на женъ, какъ на часть своего имущества. Они продавали и покупали женъ, какъ татары. Отъѣзжая въ Москву, они ихъ закладывали. ¹³⁾» 11-го Февраля 1622 года патріархъ Филаретъ посылаетъ грозную пастырскую грамоту въ обличеніе казаковъ, предписывая

¹¹⁾ Словцовъ, т. 2. с. 91.

¹²⁾ Ис. Сиб. Миллера т. II. § 32.

¹³⁾ *ibid* § 31.

прочестъ ее въ церквахъ, ¹⁴⁾ но недостатокъ женщинъ заставляетъ казаковъ продолжать забираиe бабъ и дѣвокъ въ Сибирь. Этотъ же недостатокъ былъ, вѣроятно, причиною того, что казаки покупали и продавали другъ у друга своихъ женъ. На этотъ недостатокъ женщинъ обращало иногда вниманiе и правительство. Въ 1630 г. состоялся царскiй указъ, по которому было велѣно набрать дворянину Шестакову въ Вологдѣ, Тотмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ добровольно 150 годныхъ къ браку женъ и дѣвокъ, которыя были назначены особенно въ Енисейскъ. ¹⁵⁾ «Не знаю, говоритъ Миллеръ, что вышло изъ этого сватовства необыкновеннаго», но, по всей вѣроятности, едва ли этими мѣрами удовлетворилась потребность населенiя, во-первыхъ уже потому, что при самомъ этомъ наборѣ женщинъ въ то же время формировалось въ Сибирь 5,000 казаковъ, которые тоже, конечно, стали нуждаться въ женщинахъ; во-вторыхъ эти искусственные браки не могли быть прочными и вели по-прежнему къ разводу и продажѣ женъ. Къ подобнымъ искусственнымъ бракамъ не разъ прибѣгало мѣстное начальство; въ исторiи Сибири «женскiе наборы» повторялись и въ послѣдующiе перiоды. Изъ одной промеморiи 1762 г. видно, что крестьяне верхъ-иртышскихъ деревень жаловались начальству на то, что они терпятъ недостатокъ въ женскомъ населенiи и что, по неимѣнiю женъ, хозяйства ихъ приходятъ въ упадокъ. Сибирскiй губернаторъ Соимоновъ потребовалъ списки ссыльныхъ женщинъ въ Сибирь и отрядилъ изъ нихъ 45 въ деревни Убинскую и Препорщикову. Ранѣе такихъ «голодницъ» было послано въ Тару 40 и Ишимъ 101. Условiе при этихъ вербовкахъ соблюдалось одно, чтобы женщины были не старѣе 40 лѣтъ и способны были къ крестьянской работѣ, для чего и дѣлалось имъ освидѣтельствованiе. ¹⁶⁾ На слѣдующiй 1763 годъ просятъ казаки тѣхъ же деревень, чтобы и имъ дозволено было жениться на присланныхъ голодницахъ, такъ какъ они были изъяты отъ этого распоряженiя; приводятся тотъ же аргументъ—разстройство хозяйства, глубоко характеризующiй воззрѣнiе крестьянства на бракъ. ¹⁷⁾

¹⁴⁾ Собр. государст. грам. и договор. ч. III. с. 245.

¹⁵⁾ Миллеръ ч. II. § 84.

¹⁶⁾ Омскiй областн. Арх. т. 67 с. 445.

¹⁷⁾ *ibid.* т. 73 с. 986.

Традиція искусственныхъ сводныхъ браковъ наконецъ успѣла дожить до самаго позднѣйшаго времени, если вспомнимъ браки амурскихъ солдатъ такъ же съ набранными женщинами, не отличавшимися особенной нравственностью. Но обратимся къ прочности тогдашняго брака. Дѣло заклада и продажи женъ, въ слѣдъ за казаками, продолжало позднѣе и сибирское крестьянство. Сибирскіе архивы нерѣдко даютъ намъ подобныя свидѣтельства. Такъ въ дѣлахъ томскаго Алексѣевскаго монастыря 1739 г. мы встрѣчаемъ доношеніе разночинца Соломина, указывающее, что оброчный человѣкъ Федоръ Краснояровъ ѣздилъ на р. Иню въ деревню Усову, гдѣ продалъ законную свою жену Евдокію Гарасимову крестьянину Бутурину¹⁸⁾. Рядомъ съ крестьянами тоже дѣлаютъ и новокрещенные инородцы.

Въ грамотѣ 1726 года митрополитъ тобольскій Антоній пишетъ, что узналъ онъ, «что томскаго уѣзда нѣкоторыхъ волостей новокрещенные иноземцы вѣнчанныя жены свои продавали». Поэтому предписываетъ слѣдить¹⁹⁾. Въ 1729 г. предписывалъ этотъ же митрополитъ мѣстному священнику «бить челомъ нарымскому коменданту, чтобы розыскалъ, зачѣмъ Андрей, казакъ, новокрещенный остякъ, крещенную свою жену продалъ, и учинить наказаніе внѣ томъ купцу и продавцу, и жену отдать мужу»²⁰⁾. Кромѣ того въ Сибири была въ большомъ ходу кабала; закабалились на извѣстное число лѣтъ, пожизненно и съ потомствомъ не только инородцы, но и русскіе. Въ этой кабалѣ женщина такъ же играла не послѣднюю роль. Какъ эти вещи были обыкновенны, мы заимствуемъ изъ Омскаго Областнаго Архива слѣдующій случай, въ которомъ видно, что кабала является вещь совершенно законною.

Въ ноябрѣ 1760 г. разночинецъ таемицкой слободы Почегуевъ объявляетъ, что въ 1759 г. родная его сестра Анна Яковлева пріѣзжала въ г. Тару въ гости на свиданье къ своему дядѣ, Ѳеодору Яковлеву, куда онъ и пріѣзжалъ за ней чрезъ полгода, чтобъ отвезти ее домой обратно. Взявъ ее, онъ поѣхалъ. Между тѣмъ жившая у ихъ дяди, купца Яковлева, тетка объявила, что у ней пропало 20 рублей денегъ, и изъявила подозрѣніе въ похищеніи этихъ денегъ на Анну Яковлеву. Отѣхавъ в. 15 отъ города, Почегуевъ

¹⁸⁾ Арх. томск. Алексѣевск. монастыря.

¹⁹⁾ Томск. Губ. Вѣд. 1866 г. № 10 и 11, Матер. для Ист. Сибири.

²⁰⁾ Т. Г. В. № 12 и 13.

съ сестрой были обысканы Степаномъ Явовлевымъ, который хотя ничего не нашель, но воротилъ ихъ въ городъ и стращаль сестру его просьбою и требоваль уплаты денегъ отъ его сестры, «которая въ тѣхъ деньгахъ, хотя была и не виновата, но убоясь просьбы и напрасныхъ побой», просила брата, «чтобъ ее куда въ тѣхъ деньгахъ заложить», почему Почекуевъ и заложилъ ее тарскому посадскому Кузнецову за 20 рублей на 10 лѣтъ; деньги же отдалъ теткѣ. Но въ октябрѣ 1760 г. сестра его Анна отъ Кузнецова бѣжала и вышла замужъ за слугу тарскаго канцелярскаго служителя Черкасова. Теперь же, по побѣгѣ сестры, Кузнецовъ принуждаетъ Почекуева жить за сестру его въ услуженіи по 2 рубля въ годъ. Почему Почекуевъ просить тарскую воеводскую канцелярію его «отъ житья въ услугахъ оборонить» и деньги взыскать или съ сестры его, или съ ея мужа. Тарская воеводская канцелярія предписала «если дѣвка подлинно отъ Кузнецова бѣжала и взята замужъ, то деньги уплатить Черкасову или дѣвку Анну отдать въ закладъ»²¹⁾. Мы ничего не прибавляемъ къ этому разсказу, потому что здѣсь и безъ того довольно рельефно обрисовываются, какъ выраженіе тогдашнихъ отношеній, и тетка, по одному подозрѣнію, требующая кабалы дѣвушки, и братъ, закладывающій сестру, и дѣвушка, изъ страха побой идущая въ 10-лѣтнее рабство, и наконецъ воеводская канцелярія, предписывающая «дѣвку Анну отдать въ закладъ».

Замѣчательна также въ Сибири въ два прошлыя столѣтія непрочность семейныхъ узъ, являющаяся, какъ результатъ подвижности населенія. Въ промышленный періодъ крестьяне часто бросали свои семьи и шли въ лѣса на звѣроловство, гдѣ пробывали по нѣскольку лѣтъ безъ женщинъ. Изъ рапорта Павлуцкаго въ 1748 г. видно, что тарскій мужикъ Ѳедоръ Устюжанинъ жилъ въ лѣсу за маральнымъ промысломъ 10 лѣтъ²²⁾. Въ вершинахъ Бухтармы жила цѣлая шайка полупромышленниковъ-полуразбойниковъ подъ начальствомъ Селезнева и только онъ одинъ, перевезя своихъ родственниковъ, имѣлъ жену для кухонныхъ обязанностей. Въ семьѣ эти лѣсные скитальцы не нуждались! Но самой крупной чертой тогдашняго общества является легкость, съ которой нарушались брачныя обязательства, затѣмъ многоженство, двуженства и повсемѣстный раз-

²¹⁾ Омск. Обл. Арх. 1760 г. т. 57, с. 1169.

²²⁾ Омск. Обл. Арх. 1748 г.

вратъ, обнимавшій всѣ слои общества. Это былъ необходимый результатъ недостатка женщинъ, возрѣнія на нее, какъ на вещь, предъ которою нѣтъ никакихъ нравственныхъ обязательствъ; результатъ отсутствія всякаго развитія и поголовнаго невѣжества, заставлявшаго искать одного лишь чувственнаго наслажденія. Это можно видѣть и нынѣ изъ того, что тѣ классы, которые не имѣютъ умственныхъ развлеченій, естественно наполняютъ свою жизнь развлеченіями чувственными, которыя если и не такъ грубы по формѣ, то похожи на прежнія по сущности.

Мы уже видѣли, что казаки-завоеватели жили невѣнчанными съ приводимыми изъ Россіи женщинами и что они имѣли по нѣскольгу женъ. На мѣсто того, чтобы явиться по христіанскимъ возрѣніямъ выше въ нравственности предъ дикаремъ-азіатцемъ, они сами отступаютъ на степень азіатскаго возрѣнія въ дѣлѣ брака. «Многоженство у нихъ было обычно, говоритъ Миллеръ, оно не только удовлетворяло сластолюбію казака, но и было его тщеславіемъ. Подобно татарамъ онъ считалъ себя знатнымъ, располагая многими женами и наложницами». Архіепископъ Кипріанъ упрекаетъ ихъ, что казаки при поѣздахъ чинятъ прелюбодѣяніе съ татарскими, калмыцкими и вогульскими женщинами, и приживаютъ съ ними дѣтей, и о крещеніи ихъ не заботятся. Взявши обычай у бухарцевъ, имѣющихъ женъ въ городахъ, гдѣ они торгуютъ, казаки такъ же завели женъ (кромѣ тѣхъ, что жили въ городахъ) еще въ волостяхъ, зимовьяхъ, острогахъ, куда ѣздятъ за ясакомъ. Женятся на родственницахъ²³⁾. Такъ у казаковъ развратъ, вначалѣ порожденный необходимостью и неестественными условіями, выродился подъ-конецъ въ какую-то роскошь. Если позднѣйшее населеніе послѣ казаковъ не заводило подобныхъ гаремовъ, то только развѣ потому, что содержать многихъ женъ не всякому дозволяли средства, за то двоеженство встрѣчается очень часто. Вотъ одно изъ дѣлъ томскаго Алексѣевскаго монастыря. Доношеніе митрополита тобольскаго Антонія говоритъ, что въ 1739 г. въ февралѣ священникъ томской Знаменской церкви, Костагаевъ, обвинчалъ тобольскаго солдата Замятина на дѣвицѣ Марьѣ Ивановой Валгусовой, между тѣмъ какъ солдатъ имѣетъ первозаконную жену свою живую. При слѣдствіи солдатъ Замятинъ показалъ, что онъ просилъ попа обвин-

²³⁾ Миллеръ т. II, § 33.

чать его на дѣвицѣ и объявилъ ему, что имѣетъ первозаконную жену. Чтобы обвинять его, пощъ взялъ съ него 3 рубля, а въ-начальную память приказалъ дать сыну своему попу Андрею, по которой онъ и обвинчался. Женился же онъ потому вторично, что, по отбытіи его въ солдаты изъ Томска, первая жена его на третій мѣсяцъ вышла замужъ за крестьянина Андрея Нагибина, который такъ же отдалъ первозаконную жену свою за крестьянина томскаго вѣдомства Елисея Кузнецова. Такимъ образомъ, вотъ уже въ одномъ дѣлѣ 2 случая браковъ при живыхъ мужьяхъ и женахъ! Свидѣтели и діаконъ совершенно подтвердили показаніе солдата. Но покуда дѣло тянулось, солдатъ Замятинъ отбылъ 15 марта въ ямышевскую крѣпость на службу, незаконная жена его была отдана на поруки отцу и родственникамъ съ подпискою съ солдатомъ не жить и изъ города не выѣзжать, и солдату была возвращена его первая жена. Но дѣло этимъ не кончилось. При безнравственности участвующихъ въ бракѣ рѣшеніе было бессильно для укрѣпленія его. 17 марта Замятинъ бросилъ отданную ему жену и тайно изъ-подъ караула увезъ вторую свою жену Валгусову въ ямышевскую крѣпость. «Какъ поступить съ преступникомъ и что дѣлать съ подобными лицами, которыхъ въ Томскѣ и уѣздѣ являлось не мало на ряду съ лицами, жениющимися на родственницахъ?» спрашиваетъ томскій архимандритъ Лаврентій у тобольскаго епископа Антонія ²⁴⁾. Нерѣдко подобныя браки сопровождаются обманомъ и насиліемъ. Въ томъ же архивѣ есть прошеніе жены солдата Ширванскаго полка, въ которомъ она жалуется, что одинъ заказчикъ въ ямышевской крѣпости увѣрилъ ее, что ея мужъ умеръ и пьяную насильно обвинчалъ на канонирѣ Еркинѣ, съ которымъ она жила 4 года «въ несносныхъ побояхъ и гонительствахъ, которыхъ она не могла претерпѣть» и бѣжала отъ него; но въ бѣгахъ была взята, и такъ какъ ее отправляли снова къ Еркину, то просительница просить не отправлять ее къ нему «во избѣжаніе новыхъ побой», тѣмъ болѣе, что она узнала, что первый мужъ ея живъ ²⁵⁾. Двоеженство встрѣчается не только между солдатами и крестьянами, но и у тогдашняго сибирскаго дворянства. Изъ одного указа архіепископа Антонія видно, что капитанъ сибирскаго якутскаго полка, Цей, въ

²⁴⁾ Арх. томск. Алексѣевск. монаст. 1739 г.

²⁵⁾ *ibid.* 1760 г.

1729 г., оставивъ жену свою въ Tobольскѣ, женился въ Томскѣ вторично на дочери одного томскаго гражданина ²⁶⁾.

Кромѣ упомянутыхъ нами фактовъ многоженства, двоеженства и браковъ родственниковъ, въ Сибири была совершенная распущенность въ отношеніяхъ между холостыми и незамужними лицами. Эта безнравственность постоянно обличалась высшимъ духовенствомъ, хотя обличенія и были бесплодны при постоянной потачкѣ подобнымъ вещамъ со стороны низшаго духовенства. Мы сказали, что патріархъ Филаретъ обличалъ грамотой прелюбодѣяніе казаковъ; архіепископъ Кипріанъ продолжаетъ тоже самое, указывая на незаконное рожденіе дѣтей и ихъ убійство ²⁷⁾. Епископъ сибирскій Инокентій Наруновичъ проситъ святѣйшій синодъ учредить въ Иркутской епархіи «дома для зазорныхъ дѣтей» (воспитательные), гдѣ, говоритъ онъ, случаи бросанія незаконнорожденныхъ дѣтей въ самыя «непристойныя мѣста» очень часты ²⁸⁾. Филофей Лещинскій, посылая челобитную Петру I-му, упоминаетъ о громадномъ развратѣ въ Сибири; тамъ же говорится о мѣстномъ законѣ въ Tobольскѣ, по которому съ дѣвицъ, вдовъ и женщинъ, изобличенныхъ въ незаконномъ рожденіи дѣтей и легкомъ поведеніи, а также и съ ихъ соблазнительей бралось въ архіерейскую казну по 2 руб. 50 к.; такихъ денегъ, по словамъ Филофея, въ софійскую домовую казну поступало ежегодно съ 1666—89 годъ около 150—200 рублей. ²⁹⁾ Въ указѣ 1723 г. октября 29, данномъ губернатору, князю черкасскому, говорится, что такъ какъ Антоній, митрополитъ сибирскій, требовалъ резолюціи о прельщенныхъ купецкими и служилыми людьми дѣвицахъ и вдовахъ, на которыхъ они обѣщали жениться, но оставляли беременными, или родившими, не женившись, то велѣно любовниковъ, ежели жениться не хотятъ, «вѣнчать съ принужденіемъ», а кто принужденія не послушаетъ, то такихъ отсылать духовному суду ³⁰⁾. Но ко всѣмъ этимъ увѣщаніямъ и мѣрамъ населеніе оставалось глухо. Воеводы и начальники сами поощряли этотъ развратъ, держа гаремы и отдавая ихъ на откупъ, или учав-

26) Томск. губ. вѣд. 1866 г. № 15 и 16.

27) Матер. для ист. хрис. проsv. въ Сиб. Абрамова.

28) Иркут. епарх. вѣд. 1864 г. № 10.

29) Tob. губ. вѣд. 1859 г. № 18.

30) Томск. губ. вѣд. 1865 г. № 15 и 16.

ствуя въ тѣхъ же безчинствахъ. Низшее же духовенство само попадалось въ тѣхъ же грѣхахъ. Вотъ что дѣлалъ, на примѣръ, енисейскій воевода Голохвастовъ: «онъ отдавалъ для своихъ пожитковъ помѣсячно на откупъ зернь, корму и безмужнихъ женъ и отъ того бралъ себѣ откупу рублевъ по 100 и больше; и тѣмъ женамъ велѣлъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, для взятки». Тотъ же воевода бралъ женъ уѣзжавшихъ посадскихъ и служилыхъ людей и ночью пыталъ въ застѣнкахъ, выпытывая у нихъ деньги ³¹⁾. Нечего говорить, что воеводы при этомъ самымъ деспотическимъ образомъ удовлетворяли своимъ плотскимъ потребностямъ, и русскія и инородческія женщины были одинаково ихъ жертвами. Мы видимъ, что въ 1861 г. митрополитъ Павелъ «по ревности къ благочестію» отлучаетъ отъ церкви тобольскаго воеводу Михаила Преклонскаго «за презорство, гордость, неистовое житіе, за блудодѣяніе и за непристойныя и порочныя слова» ³²⁾; епископъ Кипріанъ посылаетъ жалобу на воеводу Матвѣя Годунова и другихъ правителей Сибири, что они потворствуютъ разврату ³³⁾. Въ развратѣ за воеводами въ два прошлые вѣка идутъ и сибирскіе служилые и чиновники. Такъ Селифантовъ живетъ съ какою-то метрессой, мадамъ Байэ, которая отличается страшнымъ взяточничествомъ. ³⁴⁾ Охотскій комендантъ Угреинъ-Козловъ ѣздитъ по Камчаткѣ въ возѣ на собакахъ съ двумя любовницами ³⁵⁾. Извѣстно, что всѣ подобныя любовницы отличались самымъ жаднымъ взяточничествомъ, также какъ и жены нѣкоторыхъ правителей, въ родѣ свирѣпствовавшей жены губернатора Траскина, Анны Федоровны. Чтобы понять, до чего доходили старыя сибирскіе чиновники, достаточно прочесть о поступкахъ слѣдователя Крылова въ Иркутскѣ. Лѣтопись рассказываетъ, что онъ на каждомъ шагѣ своемъ совершалъ преступленія. Онъ дѣлаетъ дочь одного почтеннаго купца своей наложницей, покушается на жену своего хозяина, истязуетъ ее, нападаетъ на старушку-мать того же хозяина, совершаетъ возмутительное преступленіе надъ 10-лѣтней

³¹⁾ Дополн. въ акт. истор. т. VIII, § 63.

³²⁾ Мат. въ ист. хр. и проч. Абрамова с. 23.

³³⁾ *ibid.*

³⁴⁾ Очерк. Сиб. Биб. для Чт. 1862 г.

³⁵⁾ Иркутск. лѣтоп. по 1776 г.

дѣвочкой, соблазняетъ одну дѣвицу, и когда встрѣчаетъ сопротивленіе, то бьетъ ее плетьюми и послѣ нѣсколькихъ истязаній достигаетъ своей цѣли. ³⁶⁾ Сибирскія преданія полны рассказами о подобныхъ насиліяхъ пріѣзжавшихъ чиновниковъ. Какъ люди пріѣзжіе, часто безъ семьи, они не стѣснялись самымъ грубымъ образомъ поступать съ туземными женщинами, и эти исторіи часто кончались трагически для предмета ихъ страсти. Г. Скарятинъ, (въ одномъ изъ номеровъ «Одесскаго Вѣстника» 1860 г.) заявилъ, что подобные поступки принадлежали исключительно туземному сибирскому чиновничеству, но историческіе акты, приводимые нами, достаточно указываютъ, кому эти поступки принадлежали преимущественно. Въ такихъ насиліяхъ отличались и другіе классы. Одно дѣло въ 1735 г. алексѣевского монастыря въ Томскѣ показываетъ, что сноха кійскаго попа Никифора Иванова показала, что тотъ попъ взялъ ее въ замужество за *малолѣтняго* своего сына и прижилъ съ ней младенца. ³⁷⁾ Изъ одного указа архіепископа Антонія видно, что другой попъ вызывается по обвиненію въ насиліи. ³⁸⁾ Вотъ, на примѣръ, еще указъ томскаго архимандрита Порфирія, въ которомъ говорится о жалобѣ вдовы Осиповой на попа Сергѣева, что онъ подослалъ крестьянина привезти ее изъ одной деревни въ другую къ одному казаку и наругался надъ нею, и когда она на другой день начала извѣщать о томъ тамошнихъ жителей, то попъ взялъ ее въ домъ одного крестьянина и стегалъ плетьюми. ³⁹⁾ При такой безнравственности классовъ, долженствовавшихъ блюсти нравственность народа, трудно было ожидать ее у низшихъ классовъ населенія; и дѣйствительно, тѣ же архивы открываютъ намъ постоянно дѣла незаконныхъ связей, насилій, растлѣній, кровосмѣшенія въ городахъ, селахъ и деревняхъ по всему пространству Сибири. Развратъ широкой волной охватываетъ всѣ сословія съ высшихъ до низшихъ, и вся эта грязная и буйная сатурналія отдается всей тяжестью на женщинѣ. Она терпитъ и нападенія звѣрскихъ воеводъ, насилія самовластныхъ чиновниковъ и служилыхъ людей; она выноситъ обманы и оболщенія казаковъ; она дѣлится и между терпящимъ

³⁶⁾ Лучъ, кн I. с. 196—197.

³⁷⁾ Акт. томск. алекс. монас. 1735 г.

³⁸⁾ Томск. губ. вѣд. 1866 г. № 27.

³⁹⁾ Томск. губ. вѣд. 1866 г. № 12 и 13.

недостатокъ въ женщинахъ населеніемъ. Во всѣ два прошлые вѣка такимъ образомъ она является какой-то мученицей, растерзываемой цѣлой толпой безнравственныхъ негодяевъ и сладострастныхъ деспотовъ. Нерѣдко къ безнравственности примѣшивается суевѣріе, на основаніи котораго хотять женщину приворожить къ себѣ и заставить обожать ее тирановъ, тогда поступки съ нею доходятъ до крайняго издѣванья. Мы заимствуемъ слѣдующій разсказъ изъ промеморіи Омскаго областнаго Архива 1750 г. Сержантъ Ширванскаго полка Тулубевъ, квартируя въ Тюмени у разночинки Тверитиновой, жилъ въ связи съ ея дочерью Ириной. Потомъ, поссорясь съ матерью, перешелъ на другую квартиру и началъ сватать Ирину, но мать отказывала. Тогда, уговорясь съ Ириной, Тулубевъ пришелъ въ ея квартиру съ двумя солдатами и увелъ ее сначала къ попу, а потомъ въ церковь, гдѣ былъ другой попъ, свидѣтели и дворовый человѣкъ Тулубева Дунаевъ, котораго онъ поставилъ вмѣсто себя и обвинчалъ съ Ириной. Но тѣмъ дѣло не ограничилось. Послѣ свадьбы Тулубевъ остается по прежнему любовникомъ Ирины и полнымъ ея распорядителемъ. На третій день онъ уводитъ ее въ баню и начинаетъ надъ ней колдовать. Онъ тамъ скоблить съ себя кожу и потъ, смѣшиваетъ съ хлѣбомъ, солью, своими волосами, воскомъ, печиною и баннымъ листомъ, тоже дѣлаетъ и съ Ириной и надъ этими колобками вышедъ изъ бани, начинаетъ нашептывать изъ имѣвшейся у него какой-то книги. Съ Дунаевымъ онъ жить ей воспрещалъ, билъ ее, выспрашивалъ, не имѣетъ ли она съ Дунаевымъ сношеній, уводилъ въ лѣсъ, гдѣ, привязавъ ее къ березѣ, читалъ надъ нею свою волшебную книгу. Также Тулубевъ соскабливалъ «съ хоромныхъ угловъ стружки», смѣшивалъ съ телѣжной грязью въ банной теплой водѣ и поилъ этимъ насильно Ирину; кромѣ того поилъ виномъ съ порохомъ и роснымъ ладномъ, привязалъ ей воскъ и сѣру на крестъ и велѣлъ это носить. Тулубевъ не выпускаетъ Ирину изъ дому, слѣдитъ за ней и носить постоянно ея волосы, нашептывъ на нихъ. Все это Тулубевъ дѣлаетъ, чтобы приворожить къ себѣ Ирину. Промеморія говоритъ, что «отъ того волшебства и присушки съ Ириной сдѣлалась тоска», такъ что она не могла жить безъ Тулубева и бѣгала за нимъ, когда онъ выходилъ изъ дому. Отъ этой тоски началъ лечить Ирину дворовый человѣкъ Тулубева Никифоръ Васильевъ такими же нашептываніями на волосахъ и т. п., и научилъ ее украсть у Сер-

жанта Тулубева наговоренные колобки, что она и исполнила; тогда тоска прошла. Также Ирина украла и волшебную книгу, которую передала священнику. Замѣчательно, что колдовство въ резолюціи признано въ полной силѣ, и найдено, что Ирина была совращена къ прелюбодѣянiю по злодѣянiю Тулубева чародѣйствомъ его и просушкою». ⁴⁰⁾

Займствуя эти выписки изъ актовъ, мы надѣемся, что на насъ не будутъ сѣтовать за неприличность выставляемыхъ сценъ. Пусть вспомнятъ пикантные читатели, что, не смотря на неприличность этихъ картинъ, за ними таятся всегда практическій образъ глубоко-несчастной женщины. Только благодаря безцеремонной откровенности этихъ актовъ, мы можемъ себѣ составить понятiе о томъ водворотѣ безнравственности, о тѣхъ дикихъ порывахъ необузданныхъ и животныхъ страстей, о тѣхъ циническихъ вакханалiяхъ, сопряженныхъ съ насилiями и самыми отвратительными преступленiями, которые свирѣпствовали въ этомъ азиатскомъ обществѣ.

Мы указали, что развратъ не сосредоточивался въ однихъ незаконныхъ связяхъ, онъ состоялъ еще въ издѣваньи надъ женщиною. Издѣванья эти были такъ обыкновенны и постоянны, что вошли въ привычку сибиряковъ и выработали даже особенное слово въ кодексѣ языка, это — «наскоружничество». Наскоружничество остается въ ходу и въ наше время между особенно грубыми и невѣжественными классами сибирскаго общества. Намъ извѣстенъ случай, бывшій года два назадъ въ одномъ сибирскомъ городѣ, гдѣ одинъ купчикъ катался по улицамъ въ саняхъ, запряженныхъ какими-то несчастными женщинами, которымъ «за безобразіе», кажется, онъ заплатилъ 25 рублей. И это не рѣдкость; купческіе сынки сплошь и рядомъ производятъ издѣванья надъ женщинами въ своихъ оргiяхъ, считая это признакомъ особеннаго шика. Да, къ стыду нашему, эхо прошлыхъ развращенныхъ нравовъ и до сихъ поръ отдается въ нашемъ сибирскомъ обществѣ!

Деморализація двухъ прошлыхъ столѣтiй поражала своею громадностью всѣхъ прїѣзжавшихъ въ Сибирь путешественниковъ. Палась, путешествуя по Сибири въ концѣ прошлаго столѣтiя, вотъ какъ отзывался о Томскѣ. Сказавши, что онъ не видывалъ ни од-

⁴⁰⁾ Акт. Омск. Об. Арх. III, XV, 1750 г. Этногр. сборн. Изд. Геогр. Общ. VI.

ного мѣста, гдѣ бы пьянство было развито въ столь высокой степени, онъ прибавляетъ: «еще два порока свойственны этому городу,—это развратъ и французская болѣзнь; но на сіе и во всѣхъ сибирскихъ городахъ жалуются, и оныя, соединяясь съ первымъ, служатъ населенію этой земли великимъ пренятствіемъ, а особливо послѣднее, по причинѣ недостатка для истребленія онаго порядочныхъ лекарей, отъ часу усиливается» ⁴¹). Что послѣ этого удивительнаго, что сибирскіе инородцы мрутъ отъ сближенія съ нами, какъ мухи! Аббатъ Шаппъ, бывшій въ Тобольскѣ въ 1761 году, говоритъ про сибиряковъ, что «они любятъ женщинъ и напитки до излишества» ⁴²); о Тобольскѣ же отзываясь, что тамъ простой народъ въ праздники исключительно предается пьянству и разврату. Путешественникъ Бель упоминаетъ о томъ же. Мы приведемъ еще отзывъ Головина, въ началѣ нынѣшняго столѣтія посѣтившаго Камчатку и изложившаго интересныя причины тамошней безнравственности. «Такъ какъ русское населеніе, говоритъ онъ, поселено въ Камчаткѣ издавна, то всѣ почти семейства въ селеніяхъ состоятъ въ какомъ нибудь между собою родствѣ. И такъ какъ молодые мужчины русскіе рѣдко могутъ сыскать себѣ невѣсть изъ камчадалокъ, а русскія дѣвцы считаютъ за большое униженіе имѣть мужемъ камчадала, то и происходитъ, что дѣвки здѣсь ведутъ весьма распутную жизнь, но еще въ вѣщшее преступленіе приводитъ ихъ стыдъ, заставляющій прискивать средства къ истребленію младенцевъ, незаконно ими рожденныхъ, которыхъ они лишаютъ жизни въ своихъ утробахъ, чрезъ что лишаютъ себя здоровья и дѣлаются безплодными» ⁴³). Нечего говорить, на какую низкую степень нравственности эта деморализація поставила тоже и сибирскую женщину. «Русскія молодыя бабы и дѣвки, говоритъ тотъ же Головинъ въ другомъ мѣстѣ, крайне снисходительны къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые обращаютъ на нихъ свое вниманіе; ненужно употреблять сильнаго приступа—небольшія ласки и маленький подарочекъ для нихъ достаточны. Надобно однакожъ замѣтить, что между камчадалками найдутся многія, которыя не согласятся на непопозвольтель-

⁴¹ Путешествіе Палласа т. II, с. 429—30.

⁴² Voyage en Sibirie par l'abbé Chappe d'Auteroche 1748 г.

⁴³ Мат. для Ист. Русск. пос. на бер. Вост. Ок. кн. 2, с. 30.

ное обхожденіе съ мужчинами, а изъ русскихъ едва ли сыщется хоть одна Лукреція во всей Камчаткѣ»⁴⁴⁾.

Заимствуя свѣдѣнія о состояніи женщины въ Сибири изъ разныхъ актовъ и книгъ, къ сожалѣнію мы не можемъ представить ничего о взглядѣ на женщину въ сибирскихъ пѣсняхъ, а этотъ взглядъ, сколько мы можемъ судить по нѣкоторымъ изъ нихъ, нисколько не противорѣчитъ указанному нами воззрѣнію сибиряковъ на женщину; сибирская этнографія такъ бѣдна, что не даетъ ничего, въ чемъ бы можно было хоть чѣмъ нибудь подѣлиться съ публикой въ настоящемъ случаѣ. Въ заключеніе, мы скажемъ, кое-что о бытѣ женщины въ семьѣ. Здѣсь роль ея такъ же была далеко незавидна; кухонная должность, мытье половъ, ворочанье многопудныхъ перинъ съ пирамидами подушекъ, хожденіе въ баню, въ церковь — вотъ въ чемъ состояли всѣ ея занятія. Въ обществѣ женщина является отдѣльно, ее избѣгаютъ мужчины изъ чувства приличія, чтобъ не навлечь ревности ея властителей, и она находится только въ средѣ своего пола. Она сидитъ безмолвною, набѣленная и нарумяненная, какъ бы ни былъ хорошъ цвѣтъ ея лица, изукрашенная дорогими, жемчужными и брилльянтовыми ожерельями, не смѣя поднять глазъ, не смѣя двигаться. Вотъ какъ рисуетъ Головинъ балъ, сдѣланный имъ въ Петропавловскѣ для камчатскихъ женщинъ, который совершенно выражалъ нравы прошлаго столѣтія. «Около 50 женщинъ, говоритъ онъ, наполнили нашу комнату, и такъ какъ пагубная мода еще неслишкомъ распространила свое владычество на сей уединенный край, то почти всѣ онѣ являлись въ прародительскихъ нарядахъ, прошедшихъ чрезъ многія поколѣнія и доставшихся имъ по наслѣдству. На нихъ были бархатныя, гарнитуровыя и парчевыя мантильи на собольемъ мѣху. Головы были убраны богатыми парчевыми или штофными платками, огромной величины, которые были сложены въ разныхъ видахъ и вызвышались надъ ихъ головами. На шеяхъ были ожерелья, пальцы были унизаны кольцами. Онѣ, входя, молились, кланялись на четыре стороны и садились по чинамъ; усѣвшись, онѣ не шевелились и почти безпрестанно молчали. Почему комната наша, прибавляетъ Головинъ, нѣсколько походила на какой нибудь языческій храмъ, въ которомъ находится

⁴⁴⁾ *ibid.* кн. 2. с. 110.

много блестящихъ кумировъ». ⁴⁵⁾ И дѣйствительно, женщина представляла лишь истукана. Покорная прислужница, безмолвная раба, она трепещетъ предъ взглядомъ своего господина, чтобы не навлечь его подозрѣнія. Этотъ видъ униженной женщины всегда кидался въ глаза европейцамъ, посѣщавшимъ Сибирь. Вотъ что рассказываетъ Шаппъ объ отношеніи иностранцевъ, жившихъ въ Тобольскѣ, къ тамошнимъ женщинамъ. «Не зная обычаевъ страны, мы часто навлекали на себя грубое преслѣдованье предразсудка, когда позволяли себѣ быть внимательными и обращать взоры на женщинъ, слѣдуя европейскому обыкновенію. Только послѣ, сдѣлавшись болѣе опытными, мы поняли, что нужно не обращать ни малѣйшаго вниманія на женщинъ въ присутствіи мужей, и проводя время за ихъ столомъ, мы спѣшили вѣжливо послѣ обѣда удалиться отъ женщинъ. Развратъ въ Россіи, прибавляетъ Шаппъ, былъ слѣдствіемъ тиранніи мужчинъ». (*C'est ainsi que la corruption de ce sexe en Russie est une suite de la tyrannie des hommes*) ⁴⁶⁾. Самаго Шаппа на каждомъ шагѣ поражали безобразныя сцены, и онъ описалъ одинъ брачный обычай на другой день свадьбы и приложилъ картинку обряда его, какъ выраженіе крайне циничнаго обращенія съ женщиною, что вызвало большое негодованіе со стороны сибирскаго историка и крайне наивнаго патріота Словцова ⁴⁷⁾. Не смотря на то, этотъ позорный обычай и до сихъ поръ существуетъ въ захолустьяхъ и у людей, придерживающихся старинныя. Странное развитіе общества, готоваго стыдиться менѣе самаго факта, чѣмъ названія его!

При той стѣснительной обстановкѣ, при томъ грубомъ порабощеніи женщины, какое мы видимъ въ прошлые вѣка, конечно, на нее обрушались самыя страшныя побои въ случаѣ малѣйшаго подозрѣнія. Мужчины, сами насилуя, обманывая, захватывая, продавая и мѣняя постоянно женщинъ, требовали отъ нихъ полной покорности и вѣрности. Мы нерѣдко видимъ, какъ изъ-за одной мысли, что женщина измѣняетъ, ее истязали, пытая признаніе. Что же ей приходилось терпѣть, когда она въ самомъ дѣлѣ, въ тайнѣ отъ своего деспота, осмѣливалась полюбить кого нибудь? Что она

⁴⁵⁾ Мат. къ Ист. Р. И. на В. Ок. кн. 2 с. 8.

⁴⁶⁾ Voyage en Sibirie p. Charpe d'Auteroche p. 184—160.

⁴⁷⁾ Истор. Сиб. Словцова, ч. 2, стр. 86—87.

могла ожидать тогда отъ разныхъ Тулубевыхъ, Ергинныхъ и тому подобныхъ тирановъ? Но деспотизмъ съ своей стороны мало помогаль вѣрности, такъ какъ угнетеніе никогда не умерщвляетъ наповаль чувство и волю. Чѣмъ больше угѣсняли женщину, тѣмъ естественнѣе она ненавидѣла притѣснителя и легче отдавалась другому. И дѣйствительно, тотъ же Шаппъ подтверждаетъ, что женщины, находясь въ уединеніи, были «недалеки отъ преткновенія». Въ случаѣ же раскрытія ихъ невѣрности, имъ не на что было рассчитывать, нечего было ждать пощады, и вотъ мы видимъ сибирскую женщину этого далекаго времени, часто спасающуюся отъ преслѣдованій, побой и истязанія въ бѣгахъ. Но мало было шансовъ скрыться совершенно: подобныхъ женщинъ имають, допрашиваютъ и отдають на расправу мужьямъ. Печально кончались всякія романическія исторіи. Вотъ одна изъ нихъ. Въ 1763 г. 17 іюля, въ Омскѣ бѣжала жена гренадера Меньшикова за прапорщикомъ Потресовымъ въ Ямышевѣ. Но съ одной изъ станцій она воротилась, потому что прапорщикъ не выслалъ обѣщанныхъ ей лошадей. Мужъ наказалъ ее, конечно, тѣлесно, какъ увидимъ ниже. 27 іюля она снова бѣжала, но была поймана разъѣздными казаками. Омская комендантская канцелярія выдала ее мужу, предоставивъ ему самому наказать ее. Меньшиковъ при разъѣздной командѣ, въ присутствіи вахмистра и гренадеръ «учинилъ ей плетью сѣченіе», причемъ она подъ истязаніями заявила, что «жить безъ Потресова не можетъ»; и дѣйствительно, за истязаніемъ, 25 августа она опять бѣжала. Меньшиковъ въ прошеніи заявляетъ, что ее увезъ Потресовъ⁴⁸⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что она была возвращена и претерпѣла третье наказаніе плетью, еще можетъ быть большее, чѣмъ первое. Многія молча погибли, но самыя рѣшительныя изъ женщинъ, чтобы избавиться навсегда отъ рукъ своихъ деспотовъ, рѣшаются бѣжать къ инородцамъ, въ киргизскую степь, наконецъ уходятъ далеко, въ Бухару. Слѣды этой женской эмиграціи, едва ли встрѣчающейся въ другомъ какомъ обществѣ, можно найти доселѣ. Чулымскіе татары объясняютъ свое обрусѣніе тѣмъ, что русскія женщины бѣгали и искали у нихъ себѣ убѣжища. У казаковъ сибирскаго войска въ западной Сибири, бѣгство женъ въ степь было нерѣдкою. Извѣ-

⁴⁸⁾ Омск. Обл. Арх. т. 72 с. 2.

стно, что казаки часто нанимають работниковъ киргизовъ, съ которыми живутъ жены казаковъ во время командировокъ послѣднихъ. Результатомъ этого часто бываетъ, что женщина дѣлается беременна отъ киргиза и вотъ предъ приходомъ со службы мужа, страшась его гнѣва, женщина бѣжитъ съ киргизомъ въ степь. Про такую женщину слышала экспедиція Струве на Черномъ Иртышѣ, бѣжавшую туда съ киргизомъ-работникомъ и пользующуюся у киргизовъ значительной популярностью подъ именемъ, Марьи Васильевны. Русскій купецъ Верхотуровъ въ половинѣ прошлаго столѣтія нашель въ Кашгарѣ двухъ русскихъ женщинъ, добровольно оставившихъ отечество и вступившихъ въ подданство Джунгарскаго хана Галданъ-Церена.

Таковъ былъ выходъ сибирской женщины въ прошломъ столѣтіи. Она предпочитала азіатское, магометанское общество, юрту киргиза, тому рабству и тиранніи, которымъ подвергалась въ своей семьѣ и обществѣ; и это былъ ея единственный выходъ!..

Н. Ядринцовъ.